

АЛЕКСИС ДЕ ТОКВИЛЬ О МОНАРХИИ СТАРОГО ПОРЯДКА (В КОНТЕКСТЕ АНАЛИЗА ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛОК ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ)

Анализируются исторические идеи известного французского историка первой половины XIX в. Алексиса де Токвиля, его концепции предпосылок Великой французской революции, которые, как он полагал, были заложены в недальновидной политике французского абсолютизма. Анализ идей Токвиля дан в параллели с оценкой этого явления современным французским исследователем проблемы Ф. Фюре.

Ключевые слова: Токвиль; исторические идеи; Великая французская революция.

Актуальность избранной темы определяется прежде всего тем, что анализ государственного строя монархии Старого порядка явился одним из существенных элементов созданной Алексисом де Токвилем общей концепции революционного слома во Франции конца XVIII в., и в этом отношении важен для осмысления основ его исторических идей. Вместе с тем тема практически не изучена. Она не стала объектом специального внимания ни в отечественных, ни в зарубежных исследованиях. Проблема существования государственного строя монархии Старого порядка, политики и полномочий королевской власти, самое понятие «абсолютизм» оказались сегодня в центре дискуссий, связанных с попыткой тех концептуальных перемен, импульс которым во французской историографии сообщили работы Ф. Фюре [1].

Содержательный историко-политический анализ государственного строя Франции эпохи Старого порядка, цель которого состояла в исследовании причин Великой французской революции, Токвиль широко развернул в книге «Старый порядок и революция» [2]. Основными объектами его внимания стали внутренняя политика абсолютной монархии в предреволюционной Франции и сама эта форма власти как политическое явление.

Процесс распада политических форм, связанных с монархией сословно-представительной и утверждением абсолютизма (*la monarchie absolue*), Токвиль считал явлением общеевропейским, отмечая, что в XVII–XVIII вв. абсолютные монархии утвердились повсеместно на континенте [2. С. 32–34, 247–248]. Эволюцию политического строя Европы в сторону абсолютизма он считал явлением закономерным и глубоко причинным [2. С. 248].

Главную из этих причин ученый связывал с общим для западноевропейского социума процессом трансформации средневекового аристократического общества в сторону демократии, имманентные признаки которого виделись ему в оскудении дворянства, ослаблении его политического могущества; обогащении, возвышении и движении к власти нового общественного класса – буржуазии. «Такою общою причиною, – утверждал Токвиль, – является переход от одного общественного порядка к другому, от феодального неравенства к демократическому равенству. Высшее сословие уже было принижено, а народ еще не поднялся достаточно; первое стояло слишком низко, а последний не довольно высоко для того, чтобы стеснять движение власти. При таких условиях протекло полтора столетия, бывших как бы золотым веком для государей, в течение которого они обладали в одно и то же время устойчивостью и всемогуществом» [2. С. 248]. Следовательно, абсолютная монархия являлась, по мнению Токвиля, такой формой политической организации общества, которая соот-

ветствовала переходному периоду от аристократии к демократии, от общества феодального к обществу буржуазному и была обусловлена временным равновесием сил между ними. Такая точка зрения нашла подтверждение в последующей историографии проблемы [3, 4].

Содержанием этой формы правления ученый считал суверенитет монарха, сохранение идеи его священства, соединение в его руках всех ветвей власти, сочетание централизации правительственной и централизации административной. К этой форме правления Токвиль прилагал понятия: тирания, деспотизм, всевластие. Вместе с тем он не отождествлял эту власть с произволом. Еще в книге об американской демократии ученый провел четкое разграничение между понятиями «произвол» и «тирания». Тогда он писал: «Нужно отчетливо различать произвол и тиранию. Тирания может осуществляться посредством закона, и тогда это не произвол. Произвол может осуществляться в интересах граждан, и тогда его нельзя приравнять к тирании» [5. С. 199].

Из этой характеристики следует, что тирания осмысливалась им как власть, опиравшаяся на законы, однако не учитывавшая интересов общего блага; осуществлявшаяся из узко корыстных интересов правителей, основанная на соединении всех ветвей власти в руках монарха, не содержащая в своей институциональной структуре представительных органов и политических свобод. Наиболее полным воплощением абсолютной монархической власти Токвиль считал правление Людовика XIV, когда «один и тот же человек и издавал общие законы и одновременно обладал правом их толковать; представлял Францию за рубежом и действовал внутри страны от ее же имени» [5. С. 83]. Вместе с тем ученый отмечал, что монархия Старого порядка как переходная политическая форма содержала в своей структуре остатки средневековых правительственных учреждений, вольностей, элементов политической культуры, которые отличали полновластие монархов того времени от тотального полновластия деспотических правлений XIX столетия.

Главными носителями политической свободы в Средние века Токвиль считал представительные сословные собрания страны, Генеральные и провинциальные штаты, муниципальное городское управление, административные права феодальных сеньоров в провинциях. Ученый отмечал, что в XVIII в. эти институциональные элементы средневековой политической свободы в основном были уже упразднены, а их права поглощены центральной королевской властью. Из элементов политической свободы, еще сохранявшихся во Франции в эпоху Старого порядка, самым значительным Токвиль считал дворянство – его моральную и ма-

териальную возможность оказывать сопротивление тирании, его традиционные ментальные установки на независимость; признавал, что дух дворянской вольницы был нацелен тогда на защиту корпоративных интересов сословия, вредил делу общегосударственной политической свободы, однако вместе с тем способность дворянства сопротивляться деспотизму имела глубокие позитивные следствия для общества в целом [2. С. 128–129]. Не менее важную роль в смягчении негативных сторон всевластия монарха Токвиль отводил духовенству как части дворянства [2. С. 129–130].

Разыскивая элементы этой былой средневековой свободы в политической системе Старого порядка, исследователь обнаруживал ее в остатках провинциальных вольностей. В этом отношении он выделял так называемые «*pays d'états*» – самоуправляющиеся провинции, которые, по его подсчетам, в совокупности составляли тогда около четвертой части всех территорий страны; из их числа Токвиль выделял две наиболее значительные – Бретань и Лангедок. К XVIII в. эти провинции были давно и безусловно подчинены короне, управлялись из центра, однако в них под эгидой королевской власти вплоть до революции продолжали функционировать провинциальные штаты [2. С. 234]. Остатком свободных учреждений, сохранившихся от Средних веков, ученый считал городское муниципальное управление, однако признавал, что оно уже давно утратило реальную силу и не могло действительно влиять на политическую ситуацию в регионах [2. С. 33]. Элементы прежних средневековых свобод, способные в определенной степени противостоять абсолютизму, Токвиль видел в деятельности верховных судебных палат французского королевства – парламентах.

Таким образом, утверждая, что в XVIII в. политическая свобода во Франции уже была уничтожена абсолютизмом, исследователь полагал, что она не исчезла окончательно. По его мнению, в стесненной, урезанной, ограниченной форме остатки средневековых вольностей продолжали существовать вплоть до Великой французской революции. Роль этих элементов свободы в политической жизни страны ученый оценивал неоднозначно. С одной стороны, негативно; считал эту свободу «неправильной», ограниченной пределами сословий, связанной с идеей изъятий и привилегий, «дозволяющих почти столько же презирать закон, как и произвол» [2. С. 138]. Эта свобода не знала развитых принципов национального представительства, выборности, гласности, необходимых для действительного ограничения абсолютной власти королей. С другой стороны, даже такая несовершенная и недостаточная свобода имела свой позитив – она заключала в себе определенные возможности противодействия деспотизму.

Конфликт общества и абсолютизма, сложившийся во Франции в последние десятилетия абсолютной монархии, был усилен своекорыстной и недальновидной политикой Бурбонов. Предъявляя им этот счет, Токвиль утверждал, что монархия сознательно углубляла противоречия, существовавшие между классами французского общества, чтобы безраздельно властвовать над ними и бесконтрольно распоряжаться финансовыми ресурсами государства. Ученый писал по этому поводу: «...желание воспрепятствовать тому, чтобы нация, у которой требовали денег, не потребовала воз-

вращения своей свободы, – это желание заставляло беспрестанно следить, чтобы классы стояли отдельно друг от друга и не могли ни сблизиться, ни согласиться между собою для общего сопротивления» [2. С. 124]. Разделение классов ученый считал одним из главных «преступлений старой монархии», помогавшей ей властвовать [2. С. 125]. Той же цели служило произведенное Бурбонами масштабное уничтожение всех представительных учреждений страны и усиление принципа централизации в ее управлении. Это обстоятельство не только лишало нацию возможности консолидировать свои силы, но и не позволяло обрести навыки и опыт политической деятельности, развить политический практицизм [2. С. 225].

Исследуя причины революции, Токвиль подверг критике финансовую и фискальную политику короны, полагая, что она явилась одним из самых дестабилизирующих факторов общественной жизни Старого порядка. Он ставил в вину королевской власти то, что все финансовые меры так или иначе сводились к стремлению извлечь корыстную выгоду, удовлетворить свои потребности в деньгах [2. С. 118–119]. Полное отсутствие контроля и гласности этой стороны деятельности порождало многочисленные злоупотребления [2. С. 118–119]. Ученый справедливо замечал, что с усложнением финансовой стороны жизни общества, ростом деловой активности его граждан, развитием торговли и обращения, связанным с утверждением в этих сферах буржуазного начала, несовершенная финансовая система абсолютизма, не приспособленная к новым экономическим формам, становилась нетерпимой. «Вот почему рентьеры, коммерсанты, промышленники и другие деловые или денежные люди, образующие обыкновенно класс, наиболее враждебный политическим нововведениям... на этот раз оказались классом, наиболее нетерпеливым и решительным в деле реформ» [2. С. 199]. Токвиль осуждал старую монархию за то, что в стремлении увеличить свои доходы она не останавливалась перед нарушением прав личности и прав собственности своих подданных. Королевские имущества продаются «и вслед за тем отбираются как не подлежащие отчуждению»; обязательства нарушаются [2. С. 119]. Приобретенные права не признаются; при каждом финансовом кризисе кредиторы государства и их интересы приносятся в жертву; общественное доверие оказывается многократно обманутым; «привилегии, даруемые на вечные времена, постоянно отнимаются»; дворянские титулы и выгодные должности продаются и тут же объявляются недействительными [2. С. 119].

Крайне недальновидной ученый считал политику старой монархии в отношении народных масс [2. С. 200–203]. Осмысливая место абсолютизма в ряду факторов, обусловивших Великую французскую революцию, Токвиль приходил к выводу, что монархия Старого порядка с ее архаической административной структурой, недальновидной внутренней политикой, запоздалым и недостаточно тщательно организованным самореформированием явилась одним из тех политических факторов, которые породили масштабный революционный взрыв. Если для Токвиля абсолютизм был одной из главных причин революции, то в современной науке утвердилась точка зрения, согласно которой абсолютизм являл собой лишь

один из мифов революции. В западной историографии отчетливо она изложена в исследованиях Н. Хеншелла [6], Р. Шартье [7]. Из российских ученых наиболее последовательно ее отстаивает А.В. Чудинов [8]. В связи с анализом идей Алексиса де Токвиля она получила развитие и в произведениях Ф. Фюре [1].

Возражая Токвилю, Фюре полагает невозможным считать монархию Старого порядка абсолютной. В подтверждение этого тезиса ученый приводит довод, что она была основана на законах, которые умеряли и упорядочивали волю королей [1. С. 44, 117]. Абсолютизм являлся лишь видимостью власти, хотя сами монархи рассматривали ее как безраздельную [1. С. 47]. В этой ситуации политический процесс оказался «обособленным» и «самостоятельным», его осуществляли уже не Бурбоны, а новая «демократическая социальность», точного определения которой Фюре не дает, но пишет о ней: «Это новый мир, структурированный начиная с отдельной личности, а не с институциональных групп, мир, основанный на таком смутном и неясном явлении, как общественное мнение, мир, создающийся в кофейнях, салонах, масонских ложах и во всяческих “обществах”. Его можно назвать демократической социальностью, даже если он и не распространяется на весь народ» [1. С. 46]. Монархия XVIII в. была, по мнению Фюре, обновлена идеалами Просвещения, являлась «мастерской просветительских реформ», одним из мощных средств политических перемен и всеобщего прогресса [1. С. 119].

В целом он полагал, что еще накануне революции в социальном строе Франции прекратил свое существование феодализм, а в ее политической жизни уже не стало абсолютной монархии [1. С. 171]. Построение демократического государства в стране завершилось в 1788 г [1. С. 171]. «Короче говоря, – суммирует свои наблюдения Ф. Фюре, – Старый порядок умер уже в 1787 г. Революция могла уничтожить его только в умах, поскольку лишь там он продолжал еще существовать. Отсюда и вся необычайная легкость революционных событий. Так, может быть, 1789 г. стал годом одуряченных?» [1. С. 167]. Свое видение абсолютизма Фюре противопоставил изложенной выше концепции Токвиля, которую подверг достаточно острой критике, заявив, что она полна «странными умолчаниями», «чрезмерными упрощениями» и «неточностями», чисто умозрительными суждениями и заключениями [1. С. 153].

Заметим, что за редким исключением выводы и положения, отстаиваемые Токвилем в произведении «Старый

порядок и революция», не являются умозрительными. Они покоятся на базе огромного количества документальных исторических источников, чем выгодно отличаются от произведений самого Фюре, который редко обращается к источникам эпохи и главным образом опосредованно, через произведения тех авторов, на чье мнение ссылается. Доводы его могли стать более убедительными, если бы он вернулся к тому кругу документов, на которые опирался в своих выводах Токвиль, дал на их основе сопоставительный анализ.

Однако дело даже не в том, как Токвиль использовал источники, а в противоположности исходных критериев оценки сути и потенциала абсолютизма этими двумя исследователями. Родовыми признаками абсолютной монархии как формы государственной власти Токвиль считал не наличие или отсутствие ограничивающих ее правовых норм (без них не могли функционировать даже самые простые типы социумов) и не только факт существования административной централизации. В этом смысле абсолютизм для него – не произвол, но деспотическое правление. Сущностным содержанием этого типа правления Токвиль считал отсутствие в его политической системе таких институциональных форм, которые были бы наделены нацией суверенитетом в противовес суверенитету монарха. К их числу ученый относил представительные собрания, сформированные на основе принципа выборности; стоящие выше монархической власти по совокупности своих прерогатив политические институты, содержащие механизм реализации принципа разделения властей; основополагающие институты либеральной политической свободы; гласность и полную контролируемость действий исполнительной власти. Таких институтов в политической системе монархии Старого порядка не существовало. Остатки былых средневековых свобод и вольностей представлялись ученому в этом смысле совершенно недостаточными, хотя он и признавал за ними определенную позитивную роль. Без указанных выше институциональных форм власть монарха оставалась суверенной и безраздельной, т.е. абсолютной и расценивал ее как власть деспотическую.

Ввиду этих положений концепции абсолютной монархии Алексиса де Токвиля критика её со стороны Франсуа Фюре представляется не столь бесспорной, как может показаться на первый взгляд. Она и сегодня содержит значительный эвристический потенциал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фюре Ф. Постигание французской революции. СПб., 1998.
2. Токвиль А. Старый порядок и революция. М., 1896.
3. Сказкин С.Д. Проблемы абсолютизма в Западной Европе. (Время и условия его возникновения) // Сказкин С.Д. Избранные труды по истории. М., 1973.
4. Люблинская А.Д. Французский абсолютизм первой трети XVII в. М.; Л., 1965.
5. Токвиль А. де. Демократия в Америке. М., 2000.
6. Хеншелл Н. Миф абсолютизма. СПб., 2003.
7. Шартье Р. Культурные истоки Французской революции. М., 2001.
8. Чудинов А.В. Французская революция: История и мифы. М., 2007.

Статья представлена научной редакцией «История» 6 мая 2009 г.